

ДНЕВНИК

Голубой Нарцисс

Наконец-то
нашлись смельчаки,
которые начали
издавать широко
известный в узких
кругах дневник
Михаила КУЗМИНА

Много лет этот дневник (с 1906 года имевший славу сенсационного и для печати невозможного), уже подготовленный к печати, не мог увидеть свет из-за высокой платы, которую РГАЛИ требовало с издателей за право опубликовать рукопись. Теперь богатое петербургское издательство Ивана Лимбаха выпустило первый из четырех томов, охватывающий 1905 — 1907 годы. Предисловие и комментарии написаны Николаем Богомоловым и Сергеем Шумихиным, ими же текст подготовлен к печати. Дневник основательно прокомментирован, снабжен аннотированным именным указателем.

Двусмысленное оформление переплета с порога вводит в эротическую проблематику, в которую был с головой погружен знаменитый Михаил Алексеевич Кузмин, поэт, прозаик, критик, композитор, «модный человек» (эдакий Роман Виктюк начала XX века), кокетливый и самовлюбленный; гомосексуалист, среди партнеров которого были художники Сергей Судейкин и Константин Сомов, поэты Сергей Городецкий и Модест Гофман, а также бесчисленные юнкера, гимназисты, банщики, приказчики из магазинов и молодые люди без определенных занятий, живущие на деньги «спонсоров»... Тираж в 5 тысяч экземпляров, рассчитан явно не на шесть кузминоведов, существующих в мире (их действительно всего шесть), для которых дневник важен психологическими подробностями и сведениями о круге общения Кузмина. И не только на литературоведов (которых набирается не более сотни). Нетрудно догадаться, что потенциальных покупателей издательство предполагало найти в широких кругах сексменьшинств, но это не означает, что представителям «сексбольшинства» книга не будет интересна. Дневник отразил малоизвестный сегмент петербургской жизни начала XX века. Личность Кузмина объединяет круг петербургских литераторов, в который он входил, с миром петербургских гомосексуалистов, тусовавшихся в «Тавриде» (Таврическом саду), включавшим как людей благородного сословия, так и простолюдинов. Диапазон знакомств Кузмина

на был широк: от Вячеслава Иванова до какого-нибудь Броскина, сначала торговца иконами, потом сутенера. От Брюсова до «содержанца» Павлика Маслова, круглыми розово-персиковыми плечами которого Кузмин не престанно восхищался.

Появился эта книга лет десять назад, до отмены уголовного преследования за гомосексуализм, она наверняка произвела бы сенсацию. Тем более что легенды о дневнике Кузмина обращались с 1906 года, поскольку автор уже тогда читал по домам отрывки, фразированные современников, а в 1934 году продал дневник Гослитмузею, что придало легендам новый импульс. Сейчас гомосексуальный этос описан столь подробно, что никакого эпатажа дневник не производит. Хотя сенсация есть, но совсем в другом: **произошло несомненное снижение образа поэта Кузмина, неожиданное саморазвенчание.** Дневник сыграл с репутацией автора злую шутку.

«Где слог найду, чтобы описать прогулку, / Шабли во льду, поджаренную

“Дневник Кузмина отразил малоизвестный сегмент петербургской жизни начала века”

булку / И вишен спелых сладостный агат? / Далекий закат, и в море слышен гулко / Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад». Казалось, что для автора этих стихов главное — поэзия, мир образов, стремление к ясности слова и стилю, напряженный поиск «слога», и за это много можно было простить, посчитать второстепенным... Но о «поисках слога» в дневниках ни звука. Дневник показал, что собственно творчество было для него делом второстепенным, а на первом месте стояли самолюбование, неистанное кокетство, любовные интриги с «мальчиками», гуляние в Тавриде, посещение парикмахерских и бань, прыщик любимого Сережи Судейкина... «Сережа, чтобы закрыть прыщик, сделал начесы на виски, вроде моих...» (запись 20.9.1906). Назавтра Кузмин описывает, как парикмахер щипцами устраивал ему завлекательные локоны, 22-го вспоминает «очаровательное, длинное, гибкое, нежное и тонкое тело» Павлика Маслова, 23-го пишет о встрече на Невском с почтовым чиновником с «преlestными глазами», который его завлекал... И так каждый день. Поэтесса Вилькина почитала дневник и разочаровалась, «ожидавши, — как заметил Кузмин 16 ноября 1906 г., — больше скабрезных подробностей, и распространялась больше о художественных достоинствах, хотя я имею смелость думать,

что не в этом главный смысл моего дневника». Конечно же, не в этом!

Дневник показал, что для Кузмина и поэзия — безделица, как для дворянина начала XIX века; эстетическое приложение к «голубым» приключениям, повод лишний разок в своем кружке покрасоваться и почитать вслух что-нибудь манерное: «Голый отрок в поле ржи / Мечет стрелы золотые. / Отрок, отрок, придержи / Эти стрелы золотые!» Думаю, что во всех этих нарядных, надушенных и нарумяненных, часто пошловатых, приторно-красивых и почти всегда претенциозных стихах вскоре перестанут находить высоту и мощь, позволяющую энтузиастам ставить их автора в один ряд с Блоком, Хлебниковым и Мандельштамом. Да, декоративизм Кузмина, его уход от экспрессивности, от попыток сделать поэзию инструментом интроспекции в мир красивых автономных словесных образов и поэтических клише, может быть признан актуальным для XX века, для одной из линий в поэзии. Но надо иметь в виду, что как только открывается намек на что-то серьезное, трагическое, он прирастает к земле перед заветной чертой. Срабатывает детский защитный страх.

Именно такой дневник мог вести какой-нибудь Павлик Маслов, если бы умел писать, а не только доставлять удовольствие своим содержателям. «Мы сели на постель, и Сомов начал без слов снимать мой пиджак. Сначала Павлик был будто несколько забыт Сомовым, который занялся мною, но потом, напротив, я почти ревновал своего нежного друга к другому; и мы с двух сторон любовались прекрасным созданием, и я целовал Павлика, как плащаницу» (15.9.1906). «Сегодня были полотеры, трое; Сысой меня положительно возбуждает» (29.9.1906). «Потом я встал на колени и поцеловал его ботинку. Он обещал остаться после всех, но потом сказал, что слишком поздно...» (8.11.1906). Поэзия и проза Кузмина — **старательное, но вторичное в художественном отношении отражение** всех этих возбуждений и поцелуев, попытка их «обмирщить», сделать известными общественности (чтобы специфично прославиться в современности) и увековечить (чтобы прославиться в истории). Обоих целей, кстати, Кузмин достиг.

Двоякая и функция дневника: с одной стороны, его читают в «кружке», видимо, он является стимулом для всяких обсуждений, шушуканья и милых интриг (кто с кем, кто кому изменил или изменит); с другой стороны, он призван как летопись ввести всех их в историю, сообщив потомкам надежные сведения об этосе

Михаил Кузмин

бесструктурного сообщества петербургских гомосексуалов начала XX века. «Сегодня я понял важность нашего искусства и нашей жизни», — записал Кузмин 15 сентября 1906 года сразу после текста о «паде труа» с Сомовым и Павликом. Под «искусством» он имел в виду искусство любви, а под «жизнью» — жизнь, до краев заполненную этим искусством.

Дневник особенно интересен описаниями любви, точнее, границами, которыми они строго очерчены и которые автор ни разу не перешел. Никаких скабрезностей, описания сугубо инфантильны. А ключевое слово — «нежность»: для Кузмина главное — это «парфюмерное» изящество, пригодность чувств для декоративных описаний, а также ощущение, что его все любят. Малейший признак, что не все, что кто-то, может быть, не любит, — и он уже в тревоге, в страхе, как ребенок. Он и был ребенком, дневник дает это понять со всей очевидностью: «Сомов был предприимчив с Павликом, но я почему-то меньше его ревную к Сомову, чем к Нувель. Но все-таки я вышел и стал плакать, ходя по темному берегу вдоль шумящего моря, а Нувель меня утешал» (7 — 9.7.1906). Это почти Чарская.

Кузмина как личность это никак не компрометирует — ну вот такой он был, что же поделаешь. Другое дело — инфантильность в творчестве. Кузмин в своей поэзии — не более чем изящный, хорошо воспитанный и образованный ребенок, смесь скромного таланта, постоянного стремления к изяществу и «парфюмерной» красоты, наивности (в духе таможенника Руссо) и желания запечатлеть в приятных стихах «голубые» ощущения и впечатления («Не для того я в творчество бросаюсь, / Чтоб в том восторге позабыть тебя...»). Слав неповторимый, специфичный, но не тот, что позволил бы помещать Кузмина в «первый ряд» культуры. Дневник, наконец-то изданный, многое проявил.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

*Кузмин Михаил
Дневник*

9.10.09